

**АРЕАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ
ФОЛЬКЛОРНЫЙ СОЮЗ КАРПАТ**

Результаты микролингвистического анализа

Имре Пачан

При изучении микролингвистических вопросов славистики, предлагаемых в труде О.Б. Ткаченко (Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979), обнаруживались особые свойства языка славянского фольклора. Целью нашего обсуждения есть анализ интенсивности формы деривации, которая типична для языка великорусского фольклора.

Подход, предлагаемый О.Б. Ткаченко, оказался успешным. С его помощью мы могли установить различие частотности изучаемой формы деривации в языке славянских фольклорных произведений.

Результат сравнительного исследования имеет значение в плане микролингвистики, так как заставляет переосмыслить теорию А.А. Потебни (1899), установившего общеславянский характер сложенных типа *грусть-тоска, путь-дорога, кормить-поить, род-племя, хлеб-соль*.

Мы могли установить, что результаты анализа, касающегося лексикологии славянских языков, соответствуют результатам исследования К. Хоралека, установившего фольклорные союзы славян.

Анализ языка восточнославянского фольклора имеет особое значение, ведь при сравнительном изучении парных слов в великорусском, украинском и белорусском языках обнаруживается значительное различие в частотности использования данной конструкции.

Самое заметное различие в интенсивности употребления парных слов обнаруживается в количестве словоформ и словоупотреблений в великорусских и белорусских текстах: пропорция 15:164 (белорусские:русские).

При сравнении текстов украинских и белорусских народных песен мы установили, что в украинских фольклорных произведениях в четыре раза больше изучаемых конструкций; эта пропорция – 69:15 (украинские:белорусские). Результаты белорусского, украинского и великорусского сравнительного анализа демонстрируются

следующей пропорцией – 15:69:164 (белорусские:украинские:русские).

Исследование лексикологического характера, несмотря на свой узкий аспект анализа, обнаруживает сложность ареальных вопросов в области языковых и культурных контактов.

О.Б. Ткаченко (1979) сделал доскональный анализ конструкции *жил-был*, сопоставляя интенсивность применения данной конструкции во всех славянских языках, доказывая ее преобладание в языке великорусского фольклора. Одновременно он сопоставил интенсивность употребления изучаемой конструкции в финно-угорских фольклорных произведениях, доказывая единство семантико-фразеологической изоглоссы в русском и финно-угорском фольклоре. Значение его исследования заключается в том, что он убедительно доказал неславянский характер изучаемой категории.

По результатам своего сопоставительного исследования Ткаченко доказывает, что парные слова являются следами финно-угорского субстрата в русском языке. По его мнению, конструкции типа *грусть-тоска, друг-приятель, жив-здоров, воры-разбойники, кормить-поить, путь-дорога, род-племя, хлеб-соль* формировались исключительно под влиянием финно-угорского субстрата, и адстратные влияния совсем незначительны в случае великорусских сложений.

С целью подтверждения своих выводов он сопоставляет русские конструкции с украинскими. По его мнению, преобладание парных слов в русском языке объясняется влиянием в нем субстрата.

"По-видимому, наиболее правдоподобно объяснять это резкое отличие русского языка от других славянских именно влиянием финно-угорского субстрата. Принять как объяснение этого факта влияние адстратных тюркских или финно-угорских языков невозможно, поскольку в украинском языке не менее (пожалуй, даже более) сильное адстратное тюркское и отчасти финно-угорское (венгерское) влияние бы привело к подобным результатам" (с.211).¹

¹Цитаты здесь и в дальнейшем приводятся по книге: О.Б. Ткаченко. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979.

Выводы О.Б.Ткаченко о влиянии тюркского адстрата на культуру и язык великорусского и украинского народов не вполне обоснованы.

Исторические факты противоречат его теории. Западная часть Украины развивалась под влиянием западных славян, принадлежала к Польско-Литовскому государству. Воссоединение Украины с Россией произошло во второй половине XVII-го века под руководством Богдана Хмельницкого. Упомянутые историко-общественные факты требуют досконального анализа ареальных вопросов культуроведения и лингвистики.

Труд К. Хоралека "*O slovanské lidové poezii*" (Praha 1962) подробно анализирует историко-общественные расхождения как причины различия чешско-польского и великорусского фольклорных союзов.

К. Хоралек указывает на то, что западноукраинские фольклорные произведения по своим признакам намного ближе к чешско-польскому союзу, чем к великорусскому фольклору.

К сожалению, О.Б. Ткаченко не ссылается на знаменитый труд К. Хоралека и даже не включил его в библиографию своей работы. При использовании труда К. Хоралека он мог бы избежать необоснованных выводов по поводу контактов украинского языка. Замечания О.Б. Ткаченко интересны тем, что он предлагает микролингвистический подход к изучению парных слов, который содействует решению ареальных вопросов: "Для наибольшей достоверности в определении происхождения языковой формулы необходимо установить точно его ареал" (с.12).

О.Б. Ткаченко отзывается о возникновении украинских конструкций без досконального анализа ареальных вопросов, касающихся формирования украинского языка и культуры украинского народа.

В труде О.Б. Ткаченко наблюдается разноречивость в теоретическом и практическом планах исследования. Он устанавливает общие закономерности микролингвистического исследования, но не использует их последовательно во всех областях. Вместо четкого уточнения ареальных вопросов украинского фольклора, он рассматривает его как монолитное единство.

Его подходу противоречит его же собственное замечание: "макролингвистический подход ... здесь представляется малоперспективным..." (с.13).

Результаты нашего исследования соответствуют в большей мере теории К. Хоралека о существовании границ фольклорных союзов, чем выводам О.Б. Ткаченко. Различия признаков западно- и восточнoукраинских фольклорных произведений отражаются и в плане лексикологического анализа.

В сборниках фольклорных произведений, записанных во Львовской, Ивано-Франковской и Закарпатской областях, наблюдается резкое снижение частотности использования изучаемых конструкций.

В сборнике украинских фольклорных произведений используются следующие конструкции, напоминающие о великорусских сложениях: *хліб-сіль* <хлеб-соль, *срібло-злато* <сребро-злато, *мед-горівка* <мед-водка, *отець-мати* <отец-мать, *шлях-дорога* <путь-дорога, *рід-плем'я* <род-племя, *час-година* <время-час, *думати-гадати* <думать-гадать, *плакати-ридати* <плакать-рыдать.

Трудно себе представить, что из украинского были заимствованы русские конструкции, ведь интенсивность употребления этих конструкций более типична для русского фольклора, чем для украинского.

В текстах украинских сказок сборника "*З невичерної криниці*" (Львів, 1994) отсутствуют вышеупомянутые конструкции. В них мы нашли лишь несколько словоформ:

Повторы-звукоподражания: *гон-гон* (284), *мах-мах* (109), *трісь-трісь* (10), *ців-ців* (46).

Усилительные повторы: *велика-велика* (118, 145), *все-все* (73), *довга-довга* (99), *ніколи-ніколи* (141), *пізно-пізно* (52), *старий-старий* (51).

Словосложения из двух самостоятельно значащих компонентов: *гостиш-прямуєш* (116), *гуляють-підскакають* (120), *оба-два* (142), *суджений-дружений* (86).

Мы можем установить, что их употребление является весьма спорадическим, мы не сталкиваемся с богатством словоформ, что наблюдается в восточнoукраинских фольклорных произведениях, записанных Н.В. Гоголем (Народные песни, собранные писателями).

М., 1974) или в сборнике украинских народных песен (Українські народні пісні. Київ, 1967).

В некоторых русских народных сказках употребляется больше словоформ данного типа деривации, чем в упомянутом сборнике украинских народных сказок. В сказке *"Иван вдовый сын"* (Русские народные сказки. Минск, 1977) имеется 35 словоформ, в другом произведении этого сборника (*"Сказка о Василисе Премудрой"*) – 21 словоформа. Отсутствие конструкций, напоминающих о русских сложениях в западноукраинских сказках, явно свидетельствует о роли ареальных контактов в возникновении украинских парных слов.

Вместо фразеологической конструкции *жил-был* в украинских сказках употребляются другие зачины сказок. Этот факт также свидетельствует об ослаблении русского влияния.

Язык фольклорных произведений, записанных в областях Западной Украины, отражает признаки языкового союза Карпат. В них наблюдаются заимствования из словацкого языка: *колиба*<koliba, *когут*<kohut, *масть*<masť, *не мож*<nie mož, *пец*<pec, *шиковний* <šikovny, *фраір*<frájer, *хижа*<hiža; из венгерского языка: *афини*<áfonyu, *бачі*<bácsi, *варош*<város, *газда*<gazda, *гордов*<hordó, *легінь*<legény, *магля*<máglya, *пипа*<pipa, *фейса*<fejsze, *цімборо*<cimbora.

Употребление слова *татош* "волшебный конь", обозначающего известную фигуру венгерских сказок, доказывает существование не только языковых, но и культурных контактов.

В сборнике *"Казки Карпат. Українські народні казки"* (Ужгород, 1989) сложения *зміі-шаркани* (108), *баба-босорканя* (121), *староста-биров* (214) еще более убедительно свидетельствуют о вышеупомянутых языковых и культурных контактах. В этих сложениях в плане деривации отражаются явления языкового союза. Названия героев венгерских и славянских сказок выступают как компоненты сложений, образованных из синонимов.

При помощи микролингвистического подхода обнаруживались малоизвестные факты, связанные с вопросами парных слов в славянских языках. Мы согласны с мнением О.Б. Ткаченко: "Микролингвистический подход позволяет рассматривать каждое из языковых явлений не вскользь, не бегло, не издали, а во многократном увеличении и всестороннем освещении" (с.13).

Результаты микролингвического анализа языка украинского фольклора представляются важными не только в области славистики, но они могут быть доказательствами и для более обширных сопоставительных исследований парных слов в языках Восточной Евразии.